

После этого я несколько дней не выходил из дома. Питался одной лапшой быстрого приготовления, зарос щетиной и выглядел как последний оборванец. Несколько коробок лапши, которые я только что купил в супермаркете, были уничтожены подчистую, а холодильник теперь напоминал поле, опустошенное саранчой.

Я лениво валялся на кровати, то и дело машинально хватаясь за банки с пивом, стоявшие на прикроватной тумбочке. Не помню, сколько я тогда выпил, не помню, чем вообще занимался — две недели пролетели как в тумане. Сейчас, оглядываясь назад, я жалею о том, что так бездарно растратил свою молодость.

Трудно представить, но из этого оцепенения меня вывел телефонный звонок. Звонил мой дядя, У Кай. Честно говоря, я даже побоялся проводить пальцем по экрану, чтобы ответить. Я был уверен, что он начнет отчитывать меня, заставляя вспомнить ту невыносимую реальность, от которой я так отчаянно пытался сбежать, а потом заявит, что разрывает со мной всякие отношения. Больше всего на свете я ненавидел разговоры о расставаниях и смерти, а еще больше — когда мне напоминали о прошлом, которое не давало мне покоя. Это было для меня жестокой насмешкой, пренебрежением к моей личности.

Раньше мелодия звонка была моей любимой песней, а теперь стала похоронным маршем, от которого внутри все холодело. Я нерешительно коснулся экрана и дрожащим голосом произнес:

— Дядя.

Он помолчал несколько секунд, а потом хриплым, надтреснутым голосом произнес:

— Старое место. И еще: будь добр, приведи ко мне того парня по имени Сюй Тай. Спасибо.

Последнее слово ударило меня словно током. Внезапная тревога нахлынула на сердце. Родственник, с которым я вырос, человек, которого я всегда считал властным и непреклонным, вдруг говорит мне спасибо? Я не знал, как на это реагировать. Что ответить? Холодно бросить не стоит благодарности и повесить трубку? Или притвориться, что ничего не произошло, и начать дежурный разговор о том, как у него дела?

В итоге я снова удивил сам себя. Я не понимал, что задумал дядя, но он был крепким орешком. Чтобы вывести его планы, я решил прикинуться дурачком:

— Эй, дядя, ты там что, с ума сошел? Я и есть Сюй Тай...

— Ты — нет.

Он отключился. Бросил всего три слова и повесил трубку, оставив меня в полном замешательстве. Я выругался, швырнул телефон на кровать, накинул куртку и вышел из дома.

Старым местом, о котором говорил дядя, было кафе. В детстве я постоянно таскал его сюда. Даже если мы ничего не заказывали, мне нравилось сидеть на этих стульях, чувствуя себя маленьким аристократом. Дядя читал, а я либо листал какую-нибудь книгу, либо стоял у окна, глядя на старую улицу за стеклом.

Кафе почти не изменилось: из элитного заведения оно превратилось в уютное ретро-кафе, что придавало ему особый шарм. Я заглянул внутрь через стекло, пытаюсь разглядеть дядю. Тот, кого я увидел, был не очень похож на того, кого я помнил. Старик сильно постарел: волосы тронула седина, спина ссутулилась, но он все еще держался по-старому жестко. В его движениях появилось больше зрелости, никакой детской суеты.

Я толкнул стеклянную дверь, и колокольчик над входом зазвенел, нарушая тишину.

Дядя не обернулся. Он смотрел в книгу, но было видно, что он не читает: ноги нервно подергивались, взгляд блуждал. Заметив меня краем глаза, он тут же сделал вид, что погружен в чтение.

Я пожал плечами. Старик есть старик, не умеет скрывать эмоций. Я отодвинул стул напротив него, бросил сумку на соседний и сел. Он отложил книгу, и я наконец разглядел его лицо. Изменилось. Все изменилось. Неужели я ошибся человеком? Вот черт, неловко вышло.

Глаза ввалились, кожа приобрела землистый оттенок, одежда висела мешком, а волосы торчали в разные стороны. Этот изможденный, потухший взгляд сбил меня с толку, но я быстро взял себя в руки. В Клане Сюй почти никого не осталось: старики ушли, другие погибли, а после смерти моих родителей я и вовсе остался единственным из клана, кто жил за границей.

Пока меня не было, все заботы легли на плечи дяди — человека со стороны. Тяжелая ноша ускорила его старение.

— Повзрослел, — усмехнулся он. — Стал точь-в-точь как твой отец, только еще хуже.

Я расслабился. Без моей ярости, без моей проницательности он был для меня не опаснее муравья. Я откинулся на спинку стула, закинул ногу на ногу, приняв вид избалованного мажора.

— Как дела, дядя? Зачем позвал? Нужна помощь?

В мыслях же я твердил: старый хрыч, дожил до таких лет, а ни семьи, ни дома...

Он задумчиво провел ногтем по корешку книги и с явным презрением произнес:

— Речь о твоём отце.

Я сразу все понял. Опять этот Мо Шанцин мутит воду. Надо же, нашел способ подобраться к моему дяде.

— Это Мо Юй прислал тебя уговорить меня? Передай ему: я скорее умру, чем пойду искать этого старого зверя. Пусть оставит свои попытки. Если это все, то я пошел.

Я уже потянулся за сумкой, как дядя вдруг загадочно улыбнулся. Его лицо выражало полное разочарование, а голос прозвучал холодно:

— Невежда. Весь ваш Клан Сюй — кучка мусора, неблагодарные трусы. Твой отец был таким же, и ты ничем не лучше. Не зря говорят: сын крысы умеет только рыть норы. Вы, потомки Сюй, только и делаете, что прячетесь по щелям?

— Что ты несешь? Не смей сравнивать меня с этим старым зверем! — я обернулся, готовый к драке.

— Сравнить? Хм, ты даже хуже него. Твой отец хотя бы прятался, когда возникали проблемы. А ты? Ты сбежал, даже не попробовав. Разве это не трусость? Ты видел себя в зеркало? На кого ты похож?

Мне нечего было ответить. В отражении стекла я увидел свое искаженное, изможденное лицо и молча вернулся на место, мгновенно присмирив.

— Малыш, мне нужен не тот Сюй Тай, который превратился в расчетливого клоуна или бездушного сатану. Мне нужен тот Сюй Тай, в котором нет лишних мыслей, тот, кто был немного трусливым... Сяо Эр.

— Сяо... Эр...

Он произнес это имя с трудом, словно подавился.

Давно меня так никто не называл. Я почти забыл это прозвище. С самого рождения я слышал, как все величают моего отца Вторым господином, а когда он начал брать меня с собой, люди стали звать меня Сяо Эр. Но отец ушел, люди разбежались, и имя стерлось из памяти. Сейчас оно звучало для меня чуждо.

Я молчал. Это был тот трусливый я, который жил глубоко внутри. Если у меня действительно раздвоение личности, то пусть этот Сяо Эр лучше не появляется. Мне не нравится этот трус, я предпочитаю себя нынешнего — клоуна, смешного снаружи, но с черной, как бездна, душой.

— У Кай, если в твоих глазах твой родной племянник — просто сумасшедший, никчемная тварь, влачащая жалкое существование, то не стоило меня звать. Хочешь разорвать родственные связи — разрывай, мне плевать. Я ненавижу, когда люди, которые меня

презирают, лезут в мою жизнь и тратят мое время.

— Хм, разорвать связи? Еще рано. Я знаю, чего ты боишься. Ты боишься, что, войдя в эту игру, уже не выберешься. Боишься, что этот Мо Юй уйдет от тебя, как когда-то ушел ученик твоего отца, Хэ Сяожань, верно?

— Это в прошлом. Не смей упоминать того, кого я ненавижу, не переходи черту.

При упоминании этого имени — того самого старшеклассника, который дал мне обещание, но умер у меня на глазах — ярость снова захлестнула меня.

— Все связано. И зачинщик, или, скажем так, источник всего — это ты, Сюй Тай! Твое бегство, твои попытки идти против судьбы — все это было предсказуемо. Не думай, что раз ты освоил пару мелких трюков, то стал гением. Ты всего лишь пешка. Марионетка в чужих руках.

Моя беспомощность была написана на лице. Дядя тоже немного успокоился, видимо, слишком разгорячился. Он закрыл лицо руками, тяжело дыша. Мы никогда раньше не ссорились так сильно.

Я медленно вернулся на место, нос слегка защипало, и мой голос потерял прежнюю спесь:

— Расскажи мне, что здесь происходит. Я правда хочу знать.

Впервые за шестнадцать лет я смотрел на кого-то с мольбой. Дядя, которого я знал, вернулся, и вместе с ним вернулся тот самый Сяо Эр. Мы наконец начали нормальный разговор. Он был родным братом моей матери, единственным человеком, с которым меня связывала кровь.

— Я? Я лишь сторонний наблюдатель. Я знал твоего отца, но я по фамилии У, я не принадлежу к Шести вратам. Я не могу вмешиваться в ваши дела. Поэтому единственный путь, единственный ответ — у твоего отца.

— Он был тебе как брат. Только ты знаешь, где он, верно? — я отбросил гордость, опустив глаза.

— Я не знаю. Полагаю, он говорил мне о горе Линъян, но большего я не знаю и знать не хочу. И еще — как ты сам сказал, мир коварен, люди непредсказуемы. Ты можешь никому не верить, но Мо Шанцину ты верить обязан. Он единственный, на кого ты можешь положиться.

— Почему? Мы едва знакомы, виделись всего пару раз.

— Потому что, — он посмотрел в окно и тяжело вздохнул, — он — Хуцзяожэнь. Его единственная задача — защищать тебя, помочь найти Шесть врат и вернуть Картину Трех

Учений.

Дядя схватил куртку и ушел.

— Он что, бог? — крикнул я ему вслед, боясь, что он не услышит.

Дядя не обернулся, но ответил тем же тоном:

— Не льсти себе. Он не бог, но исполняет волю богов.

Я был в полном недоумении. Откуда взялись все эти слова? Шесть врат? Картина Трех Учений? Хуцзяожэнь? Что это вообще такое?

Я посмотрел в небо. Значит, мне суждено идти против судьбы? Что ж, хм, начнем!

В тот момент я понял, кто я такой. Я — Сяо Эр. Сяо Эр из Клана Сюй, единственный наследник, законный преемник.

<http://bllate.org/book/22324/2338173>